

КЛАССИКА МЫСЛИ



КОРА АНТАРОВА

—
ДВЕ ЖИЗНИ
*I—II части,
в обновленной редакции*
—



УДК 821.161.1-312.2
ББК 84 6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72 Две жизни : I-II части, в обновленной редакции / Антарова К.Е. — 2020.
– 816 с. – (Классика мысли).

ISBN 978-5-17-100715-7.

Книга «Две жизни» – мистический роман, который весьма популярен у людей, интересующихся идеями Теософии и Учением Живой Этики. Этот текст был написан известной оперной певицей, ученицей К.С. Станиславского, солисткой Большого театра Конкордией Евгеньевной Антаровой (1886–1959). Как вспоминала сама Кора Антарова, книга писалась под диктовку во время Второй мировой войны и являлась знанием, переданным через общение с действительным Автором посредством яснослышания – способом, которым записали свои книги «Живой Этики» Е.И. Рерих и Н.К. Рерих, «Тайную доктрину» Е.П. Блаватская.

Главные герои «Двух жизней» – великие души, которые завершили свою эволюцию на Земле, но остались, чтобы помогать другим людям в их духовном восхождении. Именно поэтому ощутимо единство Источника всех вышеупомянутых книг: учение, изложенное в «Живой Этике», как бы проиллюстрировано судьбами героев книги «Две жизни». Это – Источник Единой Истины, из которого вышли Учения Гаутамы Будды, Иисуса Христа и других Великих Учителей.

Впервые в книге, предназначенной для широкого круга читателей, даются яркие и глубокие Образы Великих Учителей, выписанные с огромной любовью, показан Их самоотверженный труд по раскрытию Духа человека. Теперь каждый из нас может приобщиться к Великой Истине, открыть для себя все новые и новые знания, которые на самом деле находятся всегда внутри нас...

ISBN 978-5-17-100715-7.

ОБ АВТОРЕ

«Две жизни» — оккультный роман, который впервые вышел в свет спустя почти 35 лет после смерти автора. Этот уникальный текст принадлежит перу К.Е. Антаровой, одной из тех самоотверженных русских женщин, чья жизнь была служением искусству и знанию.

Кора (Конкордия) Евгеньевна Антарова родилась 13 апреля 1886 года, когда только занимался Серебряный век русской культуры, когда разительно менялось общество и философия. Природа щедро наделила юную девушку талантами — ее прекрасное контральто поражало и притягивало к себе слушателей. Кора Антарова пела в церковном хоре, с 1901 года училась на Бестужевских высших женских курсах, параллельно посещая Петербургскую консерваторию, где брала уроки у И.П. Прянишникова. В 1907 года она успешно проходит прослушивание и становится солисткой Мариинского театра, а уже с 1908 года ее принимают в труппу Большого театра. Именно в этой колыбели музыки Кора Антарова проработала почти 30 лет.

Огромную роль в жизни юной певицы сыграла встреча с К.С. Станиславским, который в течение нескольких лет преподавал актерское мастерство в музыкальной студии Большого театра. Только Кора Антарова кропотливо вело стенографическую запись всех занятий гениального режиссера, которые потом опубликовала в отдельной книге «Беседы К.С. Станиславского в Студии Большого театра в 1918–1922 гг.». Впервые книга увидела свет в 1939 г. и выдержала несколько изданий, став настольной не для одного поколения актеров и режиссеров.

Свою книгу «Две жизни» Кора Антарова писала во время Второй Мировой войны посредством яснослышания — общения с настоящим Автором текста, Источником Единой Истины. Жизнеописание основных героев романа построено так, что вполне дает читателю возможность догадаться о скрытых за ними реальных прообразах. Сопоставление их биографий с судьбами героев книги

КОРА АНТАРОВА

позволяет прочувствовать действие закона кармы, значение настоящих и будущих духовных накоплений, которые определяют приверженность каждого человека Высшим идеалам. Книга хорошо показывает, как таинство раскрытия духовных сил человека может происходить среди естественных жизненных испытаний, подтверждая тем самым героизм ежедневного труда ученика, самоотверженно познающего Единую Истину.

Книга «Две жизни» не была издана при жизни Кору Евгеньевны и увидела свет только в 1993 году. После смерти Антаровой рукопись долгое время хранилась у ее духовной ученицы Елены Федоровны Тер-Арутюновой. Елена Федоровна никогда не теряла надежды на опубликование рукописи и активно знакомила с текстом тех, в ком чувствовался в ней интерес. Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что этой книгой даже до публикации зачитывалось не одно поколение читателей.

 **ЧАСТЬ I** 

ТОМ 1

ГЛАВА I У МОЕГО БРАТА

События, о которых я сейчас вспоминаю, относятся к давно минувшим дням, к моей далекой юности.

Уже больше двух десятков лет зовут меня «дедушкой», но я совсем не ощущаю себя старым; мой внешний облик, заставляющий уступать мне место, поднимать оброненную мною вещь, так не гармонирует с моей внутренней бодростью, что я конфужусь всякий раз, когда люди выказывают такое почтение моей седой бороде.

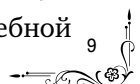
Было мне лет двадцать, когда я приехал в среднеазиатский большой торговый город погостить к брату, капитану М-ского полка. Жара, ясное синее небо, дотоле мною невиданное; широкие улицы с тенистыми аллеями из высочайших развесистых деревьев посередине поразили меня своей тишиной. Изредка проедет шагом на осле купец на базар. Пройдет группа женщин, укутанных в черные сетки и белые или темные покрывала, подобно плащу скрадывающие формы тела.

Улица, на которой жил брат, была не из главных; от базара далеко, и тишина на ней стояла почти абсолютная. Брат снимал небольшой дом с садом; жил в нем один со своим денщиком и пользовался лишь двумя комнатами, а три остальные поступили всецело в мое распоряжение.

Окна одной из комнат брата выходили на улицу; туда же смотрели два окна той комнаты, что я облюбовал себе как спальню и которая носила громкое название «зала».

Брат мой был человеком очень образованным. Стены комнат снизу доверху были заставлены полками и шкафами с книгами. Библиотека была прекрасно подобрана, расставлена в полном порядке и, судя по каталогу, составленному братом, обещала много радостей в новой для меня, уединенной жизни.

Первые дни брат водил меня по городу, базару, мечетям; временами я бродил один в огромных торговых галереях с расписными столбами и маленькими восточными ресторанами-кухнями на перекрестках; в толпе снующей, говорливой, пестро одетой в разноцветные халаты я словно бы оказался в Багдаде и все воображал, что где-то совсем рядом проходит Аладдин с волшебной



своей лампой или бродит никем не узнаваемый Гарун-аль-Рашид. И восточные люди, с их величавым спокойствием, или же, наоборот, повышенной экзальтированностью, казались мне загадочными и манящими.

Однажды, бродя рассеянно от лавки к лавке, я вздрогнул, как от удара электрического тока, и невольно оглянулся. На меня пристально смотрели совершенно черные глаза очень высокого, средних лет человека, с густой короткой черной бородой. А рядом с ним стоял юноша необычайной красоты, и его синие, почти фиолетовые глаза также пристально разглядывали меня.

Высокий брюнет и юноша, оба были в белых чалмах и пестрых шелковых халатах. Их осанка и манеры резко отличались от всего окружающего; многие из прохожих подобострастно им кланялись.

Оба они уже давно двинулись к выходу, а я все стоял, как замороженный, не в силах победить впечатление от этих чудесных глаз.

Опомнившись, я бросился за ними, но подбежал к выходу из галереи в тот самый момент, когда столь поразившие меня незнакомцы уже были в пролетке и отъезжали от базара. Молодой сидел с моей стороны. Оглянувшись, он чуть улыбнулся и сказал что-то старшему. Но густая пыль, которую подняли три осла, закрыла все, я больше ничего не мог видеть, да и стоять под отвесными лучами палящего солнца был больше не в силах.

«Кто бы это мог быть? — думал я, возвращаясь туда, где их встретил. Я несколько раз прошел мимо лавки и, наконец, решил спросить хозяина:

— Скажите, пожалуйста, кто эти люди, которые только что были у вас?

— Люди? Люди много ходила сегодня мой лавка, — хитро улыбаясь, сказал он. — Только твой, верно, не люди хочет знать, а один высокий черный люди?

— Да, да, — поспешил я согласиться. — Я видел высокого брюнета и с ним красавца юношу: кто они такие?

— Они наша большой, богатый помещики. Виноградники, — ой-я, — виноградник! Ба-а-льшой торговля ведет с Англия.

— Но как же его зовут? — продолжал я.

— Ой-я, — засмеялся хозяин. — Вся горишь, знакомиться хочешь? Он — Мохаммед Али. А молодой — Махмуд Али.

— Вот как, оба Магометы?

— Нет, нет, Мохаммед только дядя, а племянник — Махмуд.

— Они здесь живут? — продолжал я спрашивать, рассматривая шелка на полках и соображая, что бы такое купить, чтоб только выиграть время и вывести еще что-нибудь о поразивших меня незнакомцах.

— Что смотришь? Халат хочешь? — подметив мой парящий взгляд, спросил хозяин.

— Да, да, — обрадовался я предложению. — Покажите, пожалуйста, мне халат. Я хочу сделать подарок брату.

— А кто твой брат? Какой ему вкус?

Я понятия не имел, какие халаты могут нравиться брату, так как ни в чем другом, как в кителе или пижаме, пока еще не видел его.

— Мой брат — капитан Т., — сказал я.

— Капитан Т.? — вскричал с восточным азартом купец. — Я его хорошо знаю. Ему уже есть семь халатов. На что ему еще?

Я был смущен, но, скрыв свое замешательство, храбро сказал:

— Он их все раздарил.

— Вот как! Наверное, друзьям в Петербурге посылал. Ха-а-роший халаты покупал! Вот, смотри, Мохаммед Али для своя племянница велел прислать. Ой-я, халат! — И купец достал из-под прилавка чудесный розового тона халат с серовато-лиловыми матовыми разводами.

— Такой мне не подойдет, — сказал я.

Купец весело рассмеялся:

— Конечно, не подойдет; это женская халат. Я тебе дам вот — синий. — И с этими словами он развернул на прилавке великолепный фиолетовый халат.

Халат был несколько пестроват; но тон его, теплый и мягкий, мог понравиться брату.

— Не бойся, бери. Я всех знаю. Твой брат — приятель Али Мохаммед. Мы не можем продавать его приятелю плохо. Твой брат — ха-а-роший человек! Сам Али Мохаммед его почитает.

— Да кто же он, этот Али?

— Я же сказал — большая важная купец. Персия торгует и Россия тоже, — ответил хозяин.

— Не похоже, чтобы он был купец. Он, наверное, ученый, — возразил я.

— Ой-я, ученый! Ученый он есть такой, что и у твоя брат все книги знает. Твоя брат тоже ба-а-льшой ученый.

— А где живет Али, вы не знаете?

Купец бесцеремонно ударил меня по плечу и сказал:

— Ты, видать, здесь мало живешь. Али дом — напротив твой брат дом.

— Напротив дома брата очень большой сад, обнесенный высокой кирпичной стеной. Там всегда мертвая тишина, и даже ворота никогда не открываются, — сказал я.

— Тишина-то тишина. А вот сегодня будет не тишина. Приедет сестра Али Махмуд. Будет сговор, пойдет замуж. Если ты сказал, Али Махмуд красавец, — ой-я! Сестра — звезда с неба! Косы до пола, а глаза — ух! — Купец развел руками и даже захлебнулся.

— Как же вы могли видеть ее? Ведь по вашему закону покрывала нельзя снимать перед мужчинами?

— Улица нельзя. У нас и в дом нельзя. А у Али Мохаммед все женщины дома ходит открыта. Мулла много раз говорил, да перестал. Али сказал: «Уеду». Ну, мулла и молчит пока.

Я простился с купцом, взял покупку и пошел домой. Шел я долго; где-то свернул не в ту сторону и с большим трудом отыскал наконец свою улицу. Мысли о богатом купце и его племяннике путались с мыслями о небесной красоте девушки, и я не мог решить, какие же у нее глаза: черные, как у дяди, или фиолетовые, как у брата?

Я шел, глядя под ноги, и внезапно услышал: «Левушка, да где же ты пропал? Я уже собирался было тебя искать».

Милый голос брата, заменявшего мне всю жизнь и мать, и отца, и семью, был полон юмора, как и его сверкающие глаза. На слегка загорелом, гладко выбритом лице блестели белые зубы, а еще яркие, красиво очерченные губы, золотые вьющиеся волосы, темные брови... Я впервые разглядел, как красив он, мой брат. Я гордился и восхищался им всегда; а сейчас, точно маленький, ни с того ни с сего бросился ему на шею, расцеловал в обе щеки и сунул ему в руки халат.

— Это тебе халат. А твой Али причиной, что я совсем оторопел и заблудился, — сказал я со смехом.

— Какой халат? Какой Али? — с удивлением спросил брат.

— Халат номер 8, который я тебе купил в подарок. А Али номер 1, твой друг, — ответил я, все продолжая смеяться.

— Ты напоминаешь маленького упрямяца Левушку, который любил всех озадачивать. Вижу, что любовь к загадкам все еще жива в тебе, — улыбаясь своей широкой улыбкой, необычайно изменявшей его лицо, сказал брат. — Ну, пойдём домой, не век же нам стоять тут. Хотя никого и нет, но я не поручусь, что где-нибудь тайком, из-за края занавески, на нас не смотрит любопытный девичий глаз.

Мы двинулись было домой. Но внезапно чуткое ухо брата различило вдали цоканье конских копыт.

— Подожди, — сказал он, — едут.

Я ничего не слышал. Брат взял меня за руку и заставил остановиться под огромным деревом, как раз напротив закрытых ворот того тихого дома, в котором, по словам купца из торговых рядов, жил Али Мохаммед.

— Возможно, что сейчас ты увидишь нечто поразительное, — сказал мне брат. — Только стой так, чтобы нас не было видно ни из дома, ни со стороны дороги.

Мы стояли за огромным деревом, где могли бы укрыться еще два-три человека. Теперь уже и я различал топот нескольких лошадей и шум коляс на мягкой немощеной дороге.

Через несколько минут распахнулись настежь ворота дома Али, и дворник вышел на дорогу. Оглядевшись, он махнул кому-то в сад и остановился в ожидании.

Первой шла простая телега. В ней сидели две укутанные женские фигуры и трое детей. Все они утопали в массе узлов и картонок, а сзади был привязан

небольшой сундук. Вслед за ними, в какой-то старой бричке, ехал старик с двумя элегантными чемоданами. И, наконец, на довольно большом расстоянии, очевидно оберегаясь от дорожной пыли, двигался экипаж, который пока нельзя было рассмотреть. Между тем телега и бричка въехали в ворота и исчезли в саду.

— Смотри внимательно, но молчи и не двигайся, чтобы нас не заметили, — шепнул мне брат.

Экипаж приближался. Это была изящная пролетка, запряженная прекрасным вороным конем, и в ней сидели две женщины с закрытыми черной сеткой лицами.

Из ворот дома вышел Али Мохаммед, весь в белом и за ним, в такой же длинной белой одежде, Али Махмуд. Глаза Али старшего, почудилось мне, пронзили насквозь дерево, за которым мы спрятались, и мне даже показалось, что по губам его скользнула едва уловимая усмешка. Меня даже в жар бросило; я прикоснулся к брату, желая сказать: «мы открыты», но он приложил палец к губам и продолжал пристально смотреть на приблизившийся и остановившийся экипаж.

Еще через мгновение Али старший подошел к экипажу, и ... маленькая белая очаровательная женская ручка подняла покрывало с лица. Я видел женщин, признанных красавиц, на сцене и в жизни, но сейчас впервые понял, что такое женская красота.

Другая фигура что-то визгливо выговаривала Али старческим голосом, а девушка смущенно улыбалась и уже готова была вновь опустить на лицо покрывало. Но Али сам небрежно сбросил его ей на плечи, и, к великому негодованию старухи, на свет показались темные кольца непослушных волос. Не обращая внимания на визгливые выговоры, Али поднял бросившуюся ему на шею девушку и, как ребенка, понес ее в дом. Между тем Али-молодой почтиительно высаживал все еще ворчавшую старуху.

Серебристый смех девушки доносился из открытых ворот. Уже и старуха с молодым Али скрылись, и пролетка въехала в ворота, и ворота закрылись... А мы все еще стояли, забыв место, время, забыв, что хотелось есть, жару и все приличия.

Обернувшись к брату, чтобы поделиться с ним своим восторгом, я был просто потрясен. Всегда улыбающееся лицо его было совсем бледно, серьезно и даже сурово. Его синие глаза как-то потемнели. Это было лицо совершенно неизвестного мне человека. Даже брови изменили свою обычную форму и были строго сдвинуты в почти сплошную прямую линию. Я не мог опомниться, все смотрел на это чужое, незнакомое мне лицо.

— Ну что же, понравилась ли вам моя племянница Наль? — вдруг услышал я над собой незнакомый металлический голос.

Я вздрогнул — от неожиданности не понял даже вопроса — и увидел перед собою высоченную фигуру Али-старшего, который, смеясь, протягивал мне руку.

Машинально я взял эту руку и почувствовал какое-то облегчение; даже из груди у меня вырвался вздох, и по руке пробежала теплая струя энергии. Я молчал. Мне казалось, что еще никогда не держал я в своей руке такой ладони. С усилием оторвались мои глаза от прожигающих глаз Али Мохаммеда, и я посмотрел на его руки. Они были белы и нежны, точно к ним не мог пристать загар. Длинные, тонкие пальцы кончались овальными, выпуклыми, розовыми ногтями. Вся рука, узкая и тонкая, артистически прекрасная, все же говорила об огромной физической силе. Казалось, глаза, мечущие искры железной воли, находились в полной гармонии с этими руками. Можно было легко представить, что в любую минуту, стоит Али Мохаммеду сбросить мягкую белую одежду, взять меч в руку — и увидишь воина, разящего насмерть.

Я забыл, где мы, зачем мы стоим посреди улицы, и не могу сейчас сказать, как долго держал Али мою руку. Я будто стоя заснул.

— Ну, пойдем же домой, Левушка. Отчего ты не благодаришь Али Мохаммеда за приглашение? — услышал я голос брата.

Я опять не понял, о каком приглашении говорит мне брат, и пролепетал какое-то невнятное прощальное приветствие улыбающемуся мне высокому и стройному Али. Брат взял меня под руку, я невольно двинулся в ногу с ним. Робко взглянув на него, я снова увидел родное, близкое с детства, знакомое лицо любимого брата Николая, а не того чужого человека под деревом, вид которого так меня поразил и глубоко расстроил. Привычка с детства видеть опору, помощь и покровительство в брате, привычка, создавшаяся в те дни, когда я рос только в его обществе, обращаться со всеми жалобами, огорчениями и недоразумениями к брату-отцу, как-то вдруг выскочила из глубины моего сердца, и я сказал жалобным тоном:

— Как мне хочется спать; как я устал, точно прошел верст двадцать!

— Очень хорошо, сейчас пообедаем, и можешь лечь часа на два. А потом пойдем в гости к Али Мохаммеду. Он здесь почти единственный ведет европейский образ жизни. Дом его прекрасно и с большим вкусом обставлен. Очень элегантная смесь Азии и Европы. Женщины его семьи образованны и ходят дома без паранджи, и это целая революция для здешних мест. Много уж раз ему угрожали муллы и другие высокопоставленные религиозные фанатики за нарушение местных обычаев всяческими гонениями. Но он все так же ведет свою линию. Все, до последнего слуги, в его доме грамотны. Слугам предоставляются часы полного отдыха и свободы среди дня. Это здесь тоже революция. И я слышал, что против него теперь собираются поднять религиозный поход. А в здешних диких краях это вещь страшная.

Разговаривая, мы пришли к себе, умылись в ванной комнате, устроенной прямо в саду из циновки и брезента, и уселись у давно накрытого стола обедать. Хороший освежающий душ и вкусный обед вернули мне бодрость. Брат весело смеялся, журил меня за рассеянность и рассказывал всевозможные комические сценки, которые ему приходилось наблюдать в здешнем быту, восхищался сметливостью русского солдата и его остроумием. Редко восточная хитрость торжествовала над русской проницательностью, восточный торговец зачастую жестоко расплачивался за свой обман. Солдаты придумывали такие трюки, чтобы наказать обманщика, такой смешной фарс разыгрывали над торговцем, совершенно уверенным в своей безнаказанности, что любой режиссер мог бы позавидовать их фантазии. Надо сказать, что злых шуток солдаты никогда не проделывали, но комические положения, в которые попадал обманщик, надолго отучали его от привычки к надувательству.

Так незаметно за разговором мы кончили обедать, и желание поспать у меня улетучилось. Мне вздумалось попросить брата примерить подаренный ему халат. Сбросив китель, брат надел халат. Глубокий фиолетовый тон как нельзя больше шел к его золотым волосам и загорелому лицу. Я им невольно залюбовался. Где-то в глубине мелькнула завистливая мысль: «А мне никогда красавцем не бывать».

— Как удачно ты это купил, — сказал брат. — Халатов у меня, правда, много, но их я уже надевал, этот же мне нравится особенно. Ни на ком такого не видел. Непременно его надену вечером, когда пойдем в гости к соседу. Кстати, заглянем-ка в «туалетную», как важно зовет денщик гардеробную, и выберем для тебя халат.

— Как, — вскричал я с удивлением, — разве мы пойдем туда ряжеными?

— Ну зачем же «ряжеными»? Мы просто оденемся так, как будут одеты все, чтобы не бросаться в глаза. Сегодня у Али будут не только друзья, но и немалое количество врагов. Не станем же мы дразнить их европейским платьем.

Однако когда брат открыл большой шкаф, в нем оказалось не восемь, а десятка два всевозможных халатов из разных материй. Я даже вскрикнул от удивления.

— Тебя поражает это количество? Но ведь здесь носят сразу семь халатов, начиная с ситцевого и кончая шелковым. Кто богаче, носят три-четыре шелковых; кто беден, только ситцевые, но непременно надевают сразу несколько, друг на друга.

— Мой Бог, — сказал я, — да ведь в этакую жару, напялив несколько халатов, можно почувствовать себя в жерле Везувия.

— Это только так кажется. Тонкая материя не тяжела, а надетая одна другую не дает возможности солнечным лучам сжигать тело. Вот попробуй облачиться в эти два халата. Ты увидишь, что они невесомы и даже холодят, — сказал брат, протягивая мне два белых, очень тонких шелковых халата. —

Очень уж истово, как полагается по здешнему обряду, мы одеваться не будем. Но по четыре халата наденем. Я очень тебя прошу, надень и походи, попривыкни. А то, пожалуй, вечером, по своей рассеянности, ты действительно будешь казаться «ряженым» и сконфузишь нас обоих, — продолжал брат, видя, что я все еще держу в нерешительности поданные мне халаты в руках.

Не особенно горя желанием облачиться в восточный наряд, но никак не желая огорчить любимого брата, я быстро разделся и стал натягивать халаты.

— Но они узки, какие же это халаты? Это нелепые перчатки, — закричал я, начиная раздражаться.

— Их надо застегнуть, вот здесь крючок, а здесь пуговица, — сказал спокойно брат и легкими, гибкими пальцами сам застегнул на мне халаты.

— Теперь, Левушка, успокойся и надень этот зеленый халат; он пошире, его тоже надо застегнуть. В нем есть и карманы. А сверху надень еще этот широкий, серый с красными разводами, — и опять он очень ловко помог мне одеться.

— Да, и обувь еще, — сказал он. — У Али принят полуазиатский туалет, так что и мы с тобой можем явиться в европейских туфлях, но сверх них надо надеть кожаные калоши, которые оставляются у дверей. Иначе придется идти в одних чулках. Ни в мечеть, ни в дом не входят в уличной обуви.

Мы выбрали калоши мне по ноге, их тоже оказалось у брата несколько пар.

— Пройдем в спальню, там выберем тебе чалму.

— Как чалму? На кого же я буду похож? Я и так-то красой не блещу! Помилуй, Никулушка, иди уж лучше один, — взмолился я.

Брат расхохотался:

— Да ведь покорять сердце прелестной племянницы Али ты не собираешься? А из твоих приятельниц или приятелей никто тебя не увидит. Чего же тебе огорчаться, если восточный туалет тебя не украсит? Впрочем, — прибавил он, подумав, — если хочешь, я смогу сделать тебя неузнаваемым. Я тебе приклею длинную седую бороду, и ты сможешь сойти за важного купца.

— Еще того чище! — воскликнул я. — Да этак, пожалуй, мне придется вспомнить, что меня считают неплохим любителем-актером!

— Если ты сумеешь сегодня сыграть роль хромого старика, то, пожалуй, увидишь очень интересные и не совсем обычные вещи. Но вот жаль, у меня нет второй белой чалмы, чтобы сделать тебе белый тюрбан.

В эту минуту раздался легкий стук в дверь. Брат подошел к двери, и я услышал его приятно удивленное восклицание:

— Это вы, Махмуд! Войдите. Я как раз занят нарядом брата к вечеру. Хочу сотворить из него старого купца с седой бородой.

— А я принес белую чалму и камень. Дядя просит вашего брата принять их как подарок от Наль в день ее совершеннолетия, — и он подал мне сверток и футляр.

— А это вам от Наль, — и он подал брату два свертка и два футляра. — Не забудьте, что вам нужно хромать на левую ногу и крепко опираться на палку правой рукой. А левой почаще гладить бороду, если вы хотите сыграть роль старого купца. У меня есть такой знакомый в Б., очень важный человек, — говорил мне Али-молодой. Он улыбался, алые прелестные губы обнажали чудные зубы, а фиолетовые его глаза пристально, не по летам серьезно, смотрели на меня. Кивнув нам головой и приложив, по восточному обычаю, руку ко лбу и сердцу, Али так же бесшумно скрылся, как и вошел.

Я развернул свой сверток, и оттуда выпал кусок тончайшей белой материи. Любопытство мое было так возбуждено, что, даже не подобрав упавшего шелка, я раскрыл футляр, и у меня вырвалось восклицание восторга и удивления. Прекрасной работы брошь с крупным выпуклым рубином и несколькими бриллиантами, перевитая змеей из темного золота и жемчуга, сверкала в полутемной комнате, и я не мог оторвать от нее глаз.

Брат поднял оброненную мною материю и, рассматривая булавку вместе со мною, сказал:

— Али-старший посылает тебе от имени племянницы белую чалму — эмблему силы; и красный рубин — эмблему любви. Этим он причисляет тебя к своим друзьям.

— А что же он тебе посылает? — полюбопытствовал я.

Брат развернул сверток побольше, и в нем оказался тончайший белый халат из никогда не виданной мною материи, похожей на белую замшу, но по тонкости равной папиросной бумаге. К нему была приложена записка на арабском языке, которую брат спрятал, не читая, в карман. Во втором свертке была такая же чалма, как моя, только в самом ее начале синим шелком, арабскими буквами, была выткана во всю ширину чалмы, — а она была чрезвычайно широка, — какая-то фраза. Я мало обратил внимания и на записку, и на арабскую фразу, мне хотелось скорее увидеть содержимое футляров брата.

«Если мне он шлет привет силы и любви, то что же он посылает Николушке?» — думал я.

Наконец брат свернул осторожно свою чалму, спрятал ее в ящик бюро и открыл футляр побольше. Оттуда сверкнули крупные бриллианты в форме треугольника, внутри которого овальной формы выпуклый изумруд сиял голубовато-зеленым светом. В маленьком футляре оказался перстень с таким же овальным выпуклым изумрудом в простой платиновой оправе.

— Вот так совершеннолетие Наль! — почти закричал я. — Если всем своим друзьям Али рассылает в этот день такие подарки, то уж наверное половину своего виноградника, который так расхваливал мне купец в торговых рядах, он раздаст сегодня. И зачем мужчинам эти брошки? Это чудесные украшения для женщин, но ведь Али знает, что мы с тобой не женаты.

— Этими булавками мы заколем наши чалмы над самым лбом. Огромная честь получить такую булавку в подарок; и ее далеко не всем оказывают на Востоке, — ответил брат. — Али живет здесь лет десять; сам он родом откуда-то из глубин Гималаев, и все восточные обычаи гостеприимства и уважения к дружбе чтятся в его доме.

Время быстро летело. Сумерки уже сгущались, и вскоре должна была наступить мгновенно опускающаяся здесь ночь.

— Пора начинать твой грим, а то мы можем оказаться невежливыми и опоздать. — С этими словами брат выдвинул ящик бюро, и... я еще раз обмер от удивления.

— Ну и ну, — сказал я. — Почему же ты ни разу не писал мне, что играешь в любительских спектаклях? — Весь ящик был полон всяческого грима, бород, усов и даже париков.

— Нельзя же все написать, а еще менее возможно все рассказать в несколько дней, — усмехаясь, ответил брат.

Он посадил меня в кресло и, как заправский гример, приклеил мне бороду и усы, протерев предварительно все лицо какой-то бесцветной жидкостью с очень приятным запахом, освежившей мое горевшее от непривычного солнца лицо. Коричневым карандашом он провел под моими глазами два-три легких штриха. Какой-то жидкостью перламутрового цвета прикоснулся к моим густым темным бровям. Смазал каким-то кремом губы и сказал:

— А теперь чуть-чуть подравняю твои кудри, чтобы черные волосы не выбились из-под чалмы. Садись сюда. — И с этими словами он усадил меня на табурет.

Мне, признаться, жаль было моих вьющихся волос, которые я справедливо считал единственным своим козырем. Но в жару так приятно иметь коротко остриженную голову, что я сам попросил остричь меня под машинку. Вскоре голова была острижена, и я хотел встать с табурета.

— Нет, нет, сиди, Левушка. Я сейчас обовью твою голову чалмой.

Я остался сидеть, брат развернул чалму, оказавшуюся длиннее, чем я предполагал, беспощадно стал скручивать ее жгутом и довольно быстро, ловко, крепко, но без малейшего давления где-либо замотал всю мою голову.

— Голова готова; теперь ноги. Надевай эти длинные чулки и туфли, — сказал он, достав мне из картонной коробки в углу белые чулки и довольно простоватые на вид туфли.

Я все это надел и встал на ноги; но сразу почувствовал какую-то неловкость в левой туфле. Невольно я как-то припал на левую ногу, а брат услужливо сунул мне в правую руку палку.

— Теперь ты именно тот немой, глухой и хромой старик, которого тебе надо изобразить, — засмеялся брат.

Я разозлился. От непривычной бороды мне было жарко; жидкость, которой было смазано мое лицо, — вначале такая приятная, — сейчас отвратительно стягивала кожу; ноге было неудобно, и, вдобавок ко всему, я еще, оказывается, немой и глухой. Со свойственным мне нетерпением я хотел раскричаться и заявить, что никуда не пойду; и уже приготовился сорвать бороду и чалму, как дверь беззвучно отворилась и в ней появилась высоченная фигура Али-старшего.

Два агатовых глаза положительно парализовали меня. Чалма так плотно прикрывала мне уши, что я ровно ничего не слышал, о чем говорил он с братом. На нем был надет почти черный — так густ был синий цвет — халат; а под ним сверкал другой, яркий малиновый, плотно прилегавший к телу. На голове белая чалма и большая бриллиантовая брошь, изображавшая павлина с распушенным хвостом...

Приветливо и ласково улыбаясь, он подошел ко мне с протянутой рукой. Когда я подал ему руку, он пожал ее; и опять по всему моему телу пробежал ток теплоты, и на этот раз не сонной лени, а какой-то радости.

Али снял со своего пальца кольцо с красным камнем, на котором был вырезан лев в обрамлении каких-то иероглифов. Наклонившись к самому моему уху, он сказал:

— Это кольцо откроет вам сегодня все двери моего дома, куда бы вы ни захотели пройти. И оно же поможет вам, если когда-нибудь в жизни вы будете ранены и рана будет кровоточить.

Увлечись кольцом, я не заметил, как рядом с Али выросла другая стройная, высокая фигура. Я даже не сразу понял, что именно брат и стоит возле Али в подаренном ему мною сегодня фиолетовом халате. Я видел стройного восточного человека с сильно загорелым лицом, со светлой бородой и усами, на белой чалме которого сиял треугольник из бриллиантов и изумруда. Высок был мой брат. Но рядом с высоченным Али он казался среднего роста.

— Посмотри на себя в зеркало, Левушка. Я уверен, что себя ты тем более не узнаешь, — со смехом обратился ко мне брат, очевидно заметив мое полное недоумение.

Я двинулся к зеркалу, совершенно естественно хромя из-за неудобной левой туфли.

— Вы отличный артист, — едва улыбнувшись, сказал Али. Но вся его фигура выражала такой заразительный юмор, что я расхохотался.

Смеясь, я вдруг увидел в зеркале очень смуглого, чуть ли не черного, хромящего старика. Я оглянулся и вдруг услышал такой взрыв веселого, раскатистого хохота Али и брата, что невольно обернулся и с удивлением посмотрел на них. Хохот их еще усилился; между тем я случайно еще раз взглянул в зеркало и снова увидел в нем смуглого араба-старика. С трудом я осознал, что этот черный старик — я.

Я поднес руку к глазам, убедился, что не сплю, и спросил брата, почему же я такой черный. Как это могло случиться? На мой вопрос он мне ответил:

— Это, Левушка, жидкость сделала свое дело. Но не тревожься. Завтра же ты будешь снова бел, еще белее, чем всегда. Другая, такая же приятная жидкость смоет всю черноту с твоего лица.

— А теперь не забудьте, друг, что на весь этот вечер вы хромы, немые и глухи, — сказал, смеясь, Али. С этими словами он поправил на мне чалму, нахлобучив ее так, что теперь я уж и в самом деле не мог ничего слышать, но понял, что он предлагает мне взять его руку и идти с ним. Я посмотрел на брата, который успел привести комнату в полный порядок, он кивнул мне, и мы вышли на улицу.

ГЛАВА II ПИР У АЛИ

На улице Али шел впереди, я в середине и брат мой сзади. Мое состояние от удушливой жары, непривычной одежды, бороды, которую я все трогал, проверяя, крепко ли она сидит на месте, неудобной левой туфли и тяжелой палки стало каким-то отупелым. В голове было пусто, говорить совсем не хотелось, и я был доволен, что по роли этого вечера я нем и глух. Языка я все равно не понимаю, и теперь мне ничто не будет мешать наблюдать новую незнакомую жизнь.

Мы перешли улицу, миновали ворота, по обыкновению крепко запертые, завернули за угол и через железную калитку, которую открыл и закрыл сам Али, вошли в сад. Я был поражен обилием прекрасных цветов, издававших сильный, но неодуряющий аромат. По довольно широкой аллее мы двинулись в глубину сада, теперь уже рядом, и подошли к освещенному дому. Окна были открыты настежь, и в большой длинной зале были расставлены небольшие, низкие круглые столики, придвинутые к низким же широким диванам, тянувшимся по обеим сторонам зала. Подле каждого столика стояло еще по два низких широких пуфа, как бы из двух сложенных крест-накрест огромных подушек. На каждом пуфе — при желании — можно было усесться по-восточному, поджав под себя ноги.

Весь дом освещался электричеством, о котором тогда едва знали и в столицах. Али был яростным его пропагандистом, выписал машину из Англии и старался присоединить к своей, довольно мощной, сети своих друзей. Но даже самые близкие друзья не решались на такое новшество, только один мой брат да два доктора с радостью осветили свои дома электричеством.

Пока мы проходили по аллее, навстречу нам быстро вышел Али-молодой, а за ним Наль в роскошном розовом халате, который я тотчас узнал, с откину-

тым назад богатейшим покрывалом. Не виданный мною прежде затканый жемчугом и камнями женский головной убор, перевитые жемчугом же темные косы лежавшие на плечах и спускавшиеся почти до полу; улыбающиеся алые губы, быстро говорившие что-то Али... Я хотел сдвинуть чалму, чтобы услышать голос девушки, но быстрый взгляд Али как бы напомнил мне: «Вы глухи и немые, погладьте бороду».

Я злился, но старался ничем не выказать своего раздражения и медленно стал гладить бороду, радуясь, что я хотя бы не слеп, по виду стар и могу рассматривать красавицу, любясь ею безо всякой помехи. Девушка не обращала на меня никакого внимания. Но не требовалось быть тонким физиогномистом, чтобы понять, как занято ее внимание моим братом.

Теперь мы стояли на большой, со всех сторон обвитой незнакомой мне цветущей зеленью террасе. Яркая люстра светила как днем, так, что даже рисунок драгоценного ковра, в котором утопали ноги, был ясно виден.

Девушка среднего роста, тоненькая, гибкая! Крошечные белые ручки с тонкими длинными пальцами держали две большие красные розы, которые она часто нюхала, но мне казалось, что она старается таким образом скрыть свое замешательство. Ее глаза, громадные, миндалевидные зеленые, не похожи были на глаза земного существа. Можно было представить, что где-то у каких-нибудь высших существ, у ангелов или гениев, могут быть такие глаза. Но с представлением об обыкновенной женщине не вязались ни эти глаза, ни их выражение.

Али предложил мне сесть на мягкий диван, а девушка и Али-молодой сели напротив нас на большом мягком пуфе.

Я все смотрел не отрываясь на лицо Наль. И не один я смотрел на это лицо, меняющее свое выражение подобно волне под напором ветра. Глаза всех трех мужчин были устремлены на нее. И какое разное было их выражение!

Молодой Али сверкал своими фиолетовыми глазами, и в них светилась преданность до обожания. Я подумал, что умереть за нее без колебаний он готов каждую минуту. Оба были очень похожи. Тот же тонко вырезанный нос, чуть с горбинкой, тот же алый рот и продолговатый овал лица. Но Али — жгучий брюнет, и чувствовалось, что темперамент в нем тигра, что мысль его может быть едкой, слово и рука — ранищими.

А в лице Наль все было так мягко и гармонично; все дышало добротой и чистотой, и казалось, жизнь простого серого дня с его унынием и скорбями не для нее. Она не может сказать горького слова; не может причинить боль; может быть только миром, утешением и радостью тем, кто будет счастлив ее встретить.

Дядя смотрел на нее своими пронзающими агатовыми глазами пристально и с такой добротой, какой я никак не мог в нем предполагать. Глаза его казались бездонными, и из них лились на Наль потоки ласки. Но мне все чудилось,

что за этими потоками любви был глубоко укрыт ураган беспокойства и неуверенности в счастливой судьбе девушки.

Последним я стал наблюдать брата. Он тоже пристально смотрел на Наль. Брови его снова — как тогда под деревом — были слиты в одну прямую линию; глаза от расширенных зрачков стали совсем темными. Весь он держался прямо. Казалось, все его чувства и мысли были натянуты, как тетива лука. Огромная воля, из-под власти которой он не мог позволить произвольно вырваться ни одному слову, ни единому движению, точно панцирь укрывала его. И я почти физически ощущал железное кольцо этой воли.

Девушка чаще всего взглядывала на него. Казалось, в ее представлении нет места мысли, что она женщина, что вокруг нее сидят мужчины. Она, точно ребенок, выражала все свои чувства прямо, легко и радостно. Несколько раз я уловил взгляд обожания, который она посылала брату; но это было опять-таки обожание ребенка, в котором чистая любовь лишена малейших женских чувств.

Я понял вдруг огромную драму этих двух сердец, разделенных предрассудками воспитания, религии, обычаев...

Али-старший взглянул на меня, и в его, таких добрых сейчас, глазах я увидел мудрость старца, точно он хотел мне сказать: «Видишь, друг, как прекрасна жизнь! Как легко должны бы жить люди, любя друг друга; и как горестно разделяют их предрассудки. И во что выливается религия, зовя к Богу, а на деле разрывая скорбью, мукой и даже смертью жизни любящих людей».

В моем сердце раскрылось вдруг понимание свободы и независимости человека. Мне стало жаль, так глубоко жаль брата и Наль! Я увидел, как безнадежна была бы их борьба за любовь! И оценил волю брата, не дававшего пробиться ни единому живому слову, но державшегося в рамках почтительного рыцарского воспитания в своем разговоре с Наль.

Вначале такая детски веселая, девушка становилась заметно грустней, и ее глаза все чаще смотрели на дядю с мольбой и недоумением.

Али-старший взял ее ручку в свою длинную, тонкую и что-то спросил, чего я расслышать не смог. Но из жеста девушки, каким она быстро вырвала свою руку, поднесла розы к зардевшемуся лицу, я понял, что вопрос был о цветке. Али снова ей что-то сказал, и девушка, вся пунцовая, сияя своими огромными зелеными глазами, поднесла одну из роз к губам и сердцу и протянула ее моему брату.

— Возьми, — сказал Али так четко, что я все расслышал. — В день совершеннолетия женщина нашей страны дает цветок самому близкому и дорогому другу.

Брат взял цветок и пожал протянувшую его ручку. Али-молодой вскочил, как тигр, со своего места. Из глаз его буквально посыпались искры. Казалось, что он тут же бросится на брата и задушит его. Али-старший только взглянул

на него и провел указательным пальцем сверху вниз, — и Али-молодой сел со вздохом на прежнее место, словно вконец обессилев.

Девушка побледнела. Брови ее сморщились, и все лицо отразило душевную муку, почти физическую боль. Ее глаза скорбно смотрели то в глаза дяди, то на опустившего голову двоюродного брата.

Али Мохаммед снова взял её руку, ласково погладил по голове, потом взял руку моего брата, соединил их вместе и сказал:

— Сегодня тебе 16 лет. По восточным понятиям ты уже старушка. По европейским — ты дитя. По моим же понятиям ты уже человек и должна вступить в жизнь. Не бывать дикому сговору, который так глупо затеяла твоя тетка. Ты хорошо образованна. Ты поедешь в Париж, там будешь учиться, а когда окончишь медицинский факультет, поедешь со мной в Индию, в мое поместье. Там доктором ты будешь служить человечеству лучше, чем выйдя замуж за здешнего фанатика. Мой и твой друг, капитан Т. не откажет нам в своей рыцарской помощи и поможет тебе бежать отсюда. Обменяйся с ним кольцами, как христиане меняются крестами.

Мне было странно, что, не разбирая ни одного слова девушки, я четко слышал каждое слово Али.

На мизинце брат носил кольцо нашей матери, которой я совсем не помнил. Старинное кольцо из золота и синей эмали с крупным алмазом тонкой, изящной работы. Ни мгновения не раздумывая, брат снял свое кольцо и надел его на средний палец правой руки Наль. Она же, в свою очередь, сняла с висевшей у пояса цепочки перстень-змею, в открытой пасти которой покоился мутный, бесцветный камень, и надела его на безымянный палец левой руки брата.

Не успел я подумать: «Какой безобразный! Такой же урод, как и держащая его в пасти толстая змея», — как вдруг едва не вскрикнул от изумления: камень, похожий на стекляшку, вдруг засверкал всеми цветами радуги. Никогда ни один бриллиант самой чудесной воды и огранки не мог бросать таких длинных радужных лучей, сверкавших, как луч солнца, преломленный в хрустальной пирамиде.

У Али-молодого вырвался стон, почти крик. И снова взгляд дяди заставил его успокоиться, снова он опустил голову на грудь.

— Это камень жизни, — сказал Али-старший. — Он оживает, принимая в себя электричество из организма человека. Ты, друг Николай, сейчас в полном расцвете сил, и сердце твое чисто. Вот камень и сверкает ослепительно. Чем старше ты будешь становиться, тем тусклее будут лучи камня, если только мудрость и сила духа не придут к тебе на смену физических сил. Ты отдал моей племяннице самое дорогое, что имел, — любовь матери, закованную в это кольцо. Наль отдала тебе дар мудреца-прадеда, завещавшего ей передать кольцо тому, кого будет любить так сильно и верно, что и на смерть пойдет за него.

Я нечаянно взглянул на молодого Махмуда. Не цветущий юноша сидел напротив меня. Сидело привидение с прозрачным мертвенным лицом, с тусклыми, ничего не видящими глазами. Я подумал, что он в обмороке и только держится в сидячем положении, случайно найдя устойчивую позу.

— Сегодня, — продолжал Али Мохаммед, — должна совершиться та великая перемена в твоей жизни, о которой я тебе говорил месяц назад, моя Наль, и к которой я готовил тебя более пяти лет. Капитан Т. отведет тебя и двух твоих преданных слуг к себе домой. Али же пойдет с тобой. Там ты найдешь европейское платье для себя и слуг, переоденешься, отдашь свой халат и покрывало Али, и вместе с капитаном Т. вы все уедете на станцию железной дороги. Али же вернется сюда. Доверься чести и любви капитана. Он отвезет тебя в такой город и в такое место, где ты будешь в полной безопасности ждать меня или моего посла. Ни о чем не беспокойся. Храни только верность единственному закону, закону мира. Будь мужественна и жди меня без страха и волнений. Раньше или позже, — но я приеду. Повинуйся во всем капитану Т. и не бойся оставаться без него. Если он временно тебя покинет — значит, так будет необходимо. Но он оставит тебя под охраной верных друзей, если бы случилась такая необходимость. А теперь выйдем в сад все вместе.

Мы вышли в сад. Али молодой подал мне руку, чтобы помочь сойти со ступенек террасы. Внезапно весь дом погрузился во тьму, где-то перегорели пробки. Пользуясь полным мраком, брат, Наль, Али и еще две фигуры тихо вышли из сада через калитку. Али-старший что-то шепнул племяннику, и тот согласно кивнул головой. В темноте бегали какие-то люди, слуги зажгли кое-где свечи, отчего тьма показалась еще гуще. Так прошло с четверть часа. Мне помешало, что я снова увидел Наль в том же розовом халате, с опущенным на лицо покрывалом. Как будто даже Али Мохаммед обнял ее за плечи; но среди пестрых впечатлений этого дня я уже не мог отдать себе ясный отчет ни в чем и подумал, что мне просто привиделась та, красота которой как будто врезалась в мое сознание. Между тем свет вдруг ярко вспыхнул, еще три раза мигнул и полился ровно.

— Настал час съезда, — четко сказал Али Мохаммед, и я опять понял все его слова. — Не забудьте — вы хромаете на левую ногу, вы глухи и немые. Вам будут много и почтительно кланяться. Не отвечайте никому на поклон, только мулле едва кивните. Не ешьте ничего с общего стола. Кушайте только то, что вам будет подано с моего. К концу ужина настанет час выхода Наль. Она будет укутана в драгоценные покрывала. Всеобщее внимание будет приковано к условному похищению Наль женихом. К вам подойдет мой друг и проведет вас к задней калитке сада. Там будет стоять сторож. Вы ему покажете кольцо, что я вам дал, вас выпустят, и вы пройдете другой дорогой к себе домой. Дома вы найдете письмо брата. Вы снимете свою одежду, спрячете все, как вам будет сказано в письме. Придется вам немало поработать, чтобы привести в порядок

дом. Надо, чтобы денщик ничего особенного не обнаружил, когда станет убирать комнаты.

С этими словами Али оставил меня и пошел навстречу группе гостей; им открыли калитку возле ворот, которой я раньше не заметил. Высокая фигура хозяина выделялась на целую голову над пестрой группой гостей. Некоторым он важно отвечал на поклон, и они проходили дальше. Другие задерживались подле, и он жал им по-европейски руки.

Гости все подходили, и вскоре вся аллея и веранда были густо усеяны живописными фигурами. Говор, смех и напряженное ожидание вкусного угощения, какие-то, очевидно, веселые рассказы — все создавало приподнятое настроение. Но, приглядываясь, я заметил, что гости держатся обособленными кучками. Те, что были одеты не совсем по-азиатски, держались особняком. А остальные все поглядывали на муллу, как музыканты на дирижера. Я поневоле пристально присматривался ко всем, думая обнаружить, не загримированы ли чьи-либо лица подобно моему, искусственную бороду на котором я так важно поглаживал.

Время незаметно шло, гости входили теперь реже, где-то заиграла восточная музыка, и из дома вышло несколько слуг, приглашая гостей в зал. В самой глубине зала, у дверей в соседнюю комнату стоял Али Мохаммед с еще не виденным мною очень высоким человеком в белой одежде и такой же чалме. Золотистая борода, огромные темно-зеленые прекрасные глаза, слегка загорелое лицо. Очень стройный, человек этот был молод, лет 28–30, и бросался в глаза своей незаурядной красотой. Ростом он был чуть ниже Али, но много шире в плечах, необычайно пропорционален, — настоящий средневековый рыцарь. Я невольно представил его в одеждах Лоэнгринга.

Хозяин приветствовал входивших в зал глубоким поклоном. Гости рассаживались на диваны и пуфы, соблюдая все тот же порядок и держась отдельными кучками. Прибывшие оставляли туфли или кожаные калоши у входа, где их подбирали слуги и ставили на полки. Среди гостей не было ни одной женщины.

Я стоял, наблюдая, как проходят и усаживаются гости, и не представлял, куда я могу сесть. Я уже хотел было скрыться в сад, как почувствовал на себе взгляд Али. Он сказал что-то мальчику-слуге, и тот быстро направился ко мне. Почтительно поклонившись, он пригласил меня следовать за собой и повел к столу, находившемуся неподалеку от стола хозяина. За этим столом уже сидело двое мужчин средних лет в цветных чалмах и пестрых халатах. Они сидели по-европейски, обуты были в европейскую обувь, а сверх европейских костюмов имели только по одному шелковому халату. Они почтительно поклонились мне глубоким восточным поклоном. Я же, помня наставление Али, даже не кивнул им, а просто сел на указанное мне место.

Только когда все гости расселись, заняли свои места Али и высокий красавец. Музыка заиграла ближе и громче, и одновременно слуги стали вносить дымящиеся блюда. Мальчики разносили фарфоровые китайские пиалы и серебряные ложки, подавая их каждому гостю. Но не все гости накладывали жирный, дымящийся плов в пиалы и ели его ложками. Большинство запускали руки прямо в общее блюдо и ели плов руками, что вызывало во мне чувство отвращения, близкое к тошноте. Хотелось убежать, хотя никогда прежде не виденная мною толпа представляла зрелище красок и нравов чрезвычайно интересное.

На наш стол тоже подали блюдо плова, но я не прикасался к нему, помня наставление Али и ожидая специального кушанья. И действительно, от его стола отделилась высокая фигура поразившего меня красавца, и он подал мне серебряную пиалу с небольшой золотой ложкой. Очевидно, честь, оказанная мне, считалась по здешним обычаям очень высокой, потому что на мгновение в зале умолк говор и шум, и вслед за наставшей тишиной пронесли удивленные восклицания. Гости, судя по жестам и мимике, спрашивали друг друга, кто я такой. Многие очень серьезно поглядывали на меня, что-то говорили своим соседям, и те удовлетворенно кивали головой. Но в это мгновение внесли новые ароматные блюда, и всеобщее внимание отвлеклось от меня.

Я невольно встал перед державшим мою чашу красавцем. Он улыбнулся мне, поставил пиалу на стол и поклонился по-восточному. От его улыбки, от добрых его глаз, от какой-то чистоты, которой веяло от него, меня наполнила такая радость, как будто я увидел старого, верного друга. Я отдал ему глубокий восточный поклон.

Мои соседи по столу задавали мне какие-то вопросы, которых я не понял и не расслышал, а видел только их шевелящиеся губы и вопрошающие глаза. Меня выручил мальчик, сказавший им что-то, показывая на рот и уши. Сотрапезники мои покачали головами и, сострадательно поглядев на меня, принялись кушать с аппетитом свой плов, слава Богу, накладывая его ложками в пиалы.

Я поглядел на содержимое моей серебряной пиалы и несказанно удивился. Там, по виду, был компот из фруктов, а у меня уже разыгрался аппетит, и я с удовольствием поел бы чего-нибудь более существенного. Я разочарованно взглянул на Али Мохаммеда, он встретил мой взгляд, как бы зная заранее, что я буду разочарован. В его руках была точно такая же пиала, как моя, он ее приподнял, словно желая чокнуться со мной, и ласково улыбнулся. Чтобы не показаться невежливым и невоспитанным гостем, я взял и проглотил небольшой кусочек неизвестного мне плода, плавающего в соку, напоминавшем красное вино. И в тот же миг улетучилось все желание более основательной пищи. Чудесный вкус, аромат, вроде ананаса, и сок, бодрящий, прохлаждаю-

щий. Я ел с таким удовольствием, что даже перестал наблюдать за происходящим. А между тем наблюдать было что.

Оба моих соседа сняли свои халаты и пиджаки и остались в одних шелковых рубашках и широких черных поясах, заменявших жилеты. Влияние жары и на других более европеизированных гостей также ощущалось. Правоверные же, обливаясь потом, стирая его рукавами с лоснящихся лиц, усердно ели, нередко пятная свои драгоценные халаты, но никто не снимал ничего из своей одежды. Жара и тяжелые яства доводили гостей до изнеможения. Позы становились вольнее, голоса громче, затевались споры, очень напоминающие ссору.

Компот, поданный мне красавцем, обладал, очевидно, каким-то волшебным свойством. Мне перестало быть жарко, уже не хотелось содрать с себя чалму, я был бодр и ощущал свежесть во всем теле. Мне казалось, что я могу легко пройти сейчас верст десять, словно бы не было вовсе утомления и волнений дня. Мысль моя обострилась, я стал внимательно наблюдать за всеми.

Полное спокойствие и самообладание, уверенность в самом себе и какая-то новая сила взрослого мужчины, которой я еще ни разу не испытывал, появилась во мне и удивила. Я вспомнил брата, Наль и Али-молодого. Почему-то у меня не было ни малейшего беспокойства за первых двоих, но Али-молодого я стал беспокойно искать глазами по всему залу. Мне пришла на память фигура в розовом халате Наль, которую я заметил в темноте сада. Я продолжал искать двоюродного брата Наль, но найти его не мог. Случайно мой взгляд встретился со взглядом хозяина, и я будто прочел в нем: «Храните самообладание и помните, когда вам уйти и что делать дома». Волна какого-то беспокойства пробежала по мне, точно порыв ветра, заставляющий мигать пламя свечи, — и снова я вернулся к полному самообладанию.

Между тем блюда сменились много раз, уже были расставлены всюду горы фруктов и сладостей. Мои соседи ели сравнительно мало, зато дыни поглощали в несметном количестве, посыпая их перцем.

Снова отделилась от стола Али великолепная фигура золотоволосого красавца, и он подал мне чашу с какими-то другими фруктами, напоминавшими по внешнему виду зерна риса в меду. Нагнувшись, он незаметно сунул мне в руку записку, опять низко поклонился и отошел. Я хотел отдать ему поклон, но не мог встать, мне не повиновались ноги. При свойственной мне смешливости, я расхохотался бы во все горло, если бы борода не стягивала так сильно щеки. Я развернул записку, там было написано по-английски: «Сначала съешьте то, что я вам сейчас принес. Не пытайтесь встать, пока не съедите этого кушанья. Вам непривычны наши пряные блюда, от них ноги — как от некоторых сортов вин — вам не повинуются. Но через некоторое время, после новой пищи, все будет в порядке. Не забудьте, в конце пира вам надо уйти, я сам отведу вас к калитке. Когда подыметесь шум, встаньте и немедленно идите к столу хозяина, я вам подам руку, и мы сойдем в сад».

Я не хотел раздумывать над сотней таинственных и непонятных мне вещей, но стать вновь хозяином своих ног я очень желал, а потому поторопился съесть содержимое чаши. Это было очень похоже на маленькие катышки сладкой каши в соусе из меда, вина, ванили и еще каких-то ароматных вещей. Мои соседи уже давно перестали обращать на меня внимание. Они следили, казалось мне, с возрастающим беспокойством за усиливающимся шумом и возбуждением гостей.

Я попробовал теперь двинуть ногой, привстал, как бы поправляя халат, — ура! ноги мои тверды и гибки. Шум в зале стал напоминать воскресный гул базарной площади. Кое-где за столиками шли ожесточенные споры, гости размахивали руками и, со свойственной Востоку экспрессией, выкрикивали визгливыми голосами какие-то слова. Мне показалось, что я уловил «Наль» и «Аллах». Шум в зале все усиливался. И тут я вспомнил, что мне пора вставать и двигаться к столу Али. Я хотел быстро подняться, но неловкость в левом башмаке сразу же заставила меня образумиться и войти в роль хромого. Я отдал должное уму и наблюдательности брата. Не будь этого неудобного башмака, толстой чалмы и склеивающей движение губ неуклюжей бороды, я бы уже сто раз забыл, что должен играть роль глухого, немого и хромого.

Взглянув на Али, я увидел, что мой красавец уже поднялся и двинулся мне навстречу. С огромным трудом я вылез из-за стола, оставив свои пиалы и ложку. Заметив мое затруднение, золотоволосый великан в один миг очутился возле меня; а мальчик, подскочив с листом мягкой белой бумаги, в один миг завернул обе мои серебряные чаши и ложку и подал их мне, что-то лопоча с глубоким поклоном. Видя, что я удивленно смотрю на него и не беру сверток, он стал почтительно совать мне его в свободную от палки левую руку.

— Возьмите, — услышал я над собой голос. — Таков обычай. Возьмите скорее, чтобы никому не пришло в голову, что вы не знаете местных обычаев. Мальчик так усердно кланяется вам, потому что думает, что вы очень важная персона и недовольны столь малым подарком в день совершеннолетия. Пойдемте, пора, — закончил он свою английскую фразу и поддержал меня под левую руку.

Я едва шел, неудобный башмак так жал мне ногу, что я почти подпрыгивал и, пожалуй, без помощи красавца-гиганта не смог бы сойти с невысокой, но крутой лесенки в сад. Едва мы сделали несколько шагов по аллее, как потух свет. В зале раздался рев не то радости, не то озорства и негодования. Возле нас мелькнула чья-то тень и набросила на моего провожатого какое-то легкое плотное покрывало, которое задело и меня. Мой проводник схватил меня, как малого ребенка, на руки и бросился в гущу сада. Добежав до калитки, мы столкнулись со сторожем, которому я показал перстень, данный мне Али Мохаммедом, и он беспрекословно пропустил нас на улицу. Мой спутник сказал ему несколько слов, он почтительно поклонился и закрыл калитку.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ III	5
Глава I. Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня.....	7
Глава II. Второй день в Общине. Мы навещаем карлика. Подарки араба. Франциск.....	38
Глава III. Простой день Франциска и мое сближение с ним. Злые карлики, борьба с ними и их раскрепощение	70
Глава IV. Я знакомлюсь еще со многими домами Общины. Оранжевый домик. Кого я в нем видел и что было в нем	86
Глава V. Мое счастье нового знания и три встречи в нем	116
Глава VI. Франциск и карлики. Мое новое отношение к вещам и людям. Записная книжка моего брата Николая	136
Глава VII. Записная книжка моего брата.....	149
Глава VIII. Обычная ночь Общины и что я видел в ней. Вторая запись брата Николая. Мое бессилие перед «быть» и «становиться». Беседа с Франциском и его письма....	164
Глава IX. Третья запись брата Николая	180
Глава X. Ночное посещение новых мест Общины с Франциском. Новые люди и мои новые встречи-уроки	202
Глава XI. И. принимает ученого. Аннинов и Беата Скальради. Наставление мне и Бронскому	226
Глава XII. Мы читаем книгу в комнате Али. Древняя сказка.....	255
Глава XIII. Беседа с И. Мы продолжаем читать сказку. Отъезд Беаты и последнее напутствие ей И. и Франциска.....	278
Глава XIV. Мои размышления о новой жизни Беаты. Мы кончаем чтение древней книги. Профессор Зальцман	305
Глава XVI. Первые опыты новой жизни профессора. Его беседа с И. Сцены из его прошлых жизней. Франциск и еще раз карлики	330
Глава XVI. Я читаю маленькую книжку Герде. Наш отъезд из Общины. Первый день путешествия по пустыне. Оазис и встречи в нем. Ночь, проведенная у костра. Прощание И. с профессором. Последние его наставления ученому	357
ЧАСТЬ IV	383
Глава I. Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия по пустыне. Зловещая встреча в ней	385
Глава II. Трапезная. События в ней. Мое новое понимание жизненных путей человеческих	415
Глава III. Первый завтрак в новой столовой. Школа. Я передаю письмо Франциска матери больного ребенка. Помощь И. в моем знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним.....	442
Глава IV. Мои новые знакомства в Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения Дартана с помощью Раданды.....	473
Глава V. Мы едем встречать Ясу. История его жизни, рассказанная нам И. Встреча с Ясой и необычайное видение в пустыне. Возвращение в Общину и посвящение Яссы. Трапезная. Разговор с Грегором. Две речи И. в трапезной и на балконе	508
Глава VI. Последний утренний завтрак отъезжающих. Напутствие детям. Еще раз Ариадна. Рассказ Мулги о Раданде. Уединенный скит строптивцев. Старанда и Георгий. Беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом	541



Глава VII. Беседа И. с Бронским и Игоро. Наставление им к труду в оазисе Дартана. Неожиданная встреча с леди Бердран. Доктор. Ариадна, ее сын и ее трагедия. Вторая беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом об их миссии в миру. Последние сборы и отъезд в оазис темнокожих. Первые впечатления от оазиса. Мать Анна.....	568
Глава VIII. Первый ужин в круглом доме в оазисе матери Анны. Зал и наши сотрапезники. Речи матери Анны и И. Работа И., его наставления и приготовления к встрече бури всего населения оазиса. Маяк. Страшная ночь бури. «Чудо», совершенное И. Мы ходим с маяка. Ясса, его мертвый сон и мое отчаяние. Моя работа у ворот. Собаки-искатели. После бури. Мы посещаем Ольденкотта и Андрееву	598
Глава IX. Мое пробуждение. Как я ишу И. И. на заводе в роли рабочего. Первый обед в оазисе после бури. Беседа И. с сотрапезниками. Владыки оазиса	615
Глава X. Лаборатории стихий. Лучи путей человеческих. Их возглавляющие Великие Учителя, Светлые сонмы невидимых помощников, Их труд для человечества Земли. Неожиданное видение в седьмом луче	633
Глава XI. Мое пробуждение в комнате с диваном. Возвращение в лабораторию. Беседа в ней с Владыкой. Божественное видение.....	661
Глава XII. Второе пробуждение в необычайной комнате Владыки. Что говорит мне живой портрет на стене. Еще одно Божественное видение. Последнее наставление моего Владыки-Учителя. Посещение Владыки-Главы, беседа с ним в его комнате и беседа в святой святых	671
Глава XIII. Башня стихий природы в лаборатории Владыки-Главы. Его объяснения мне и башня стихий в пространстве. Стражи стихий, их труд и роль в передаче творческого вдохновения. Великий Учитель Маха-Чохан. Его роль в мировом труде. Последнее наставление Владыки-Главы мне и Андреевой. Наш выход из лаборатории стихий и новая встреча с И.	683
Глава XIV. Возвращение к жизни. Еще раз оазис Матери Анны и первое свидание с нею. Новые аллеи и памятники нашей любви и благодарности на них. Закладка часовни «Звучащая Радость».....	704
Глава XV. Беседа И. с жителями оазиса в ночь закладки часовни. Работа И., Василиона и моя над расцветкой статуи и установка ее в часовне. Последняя ночь перед освящением часовни. Деметро и его поручение ко мне. Слова И. при открытии часовни	727
Глава XVI. Прощальная речь И. обитателям оазиса матери Анны. Приезд в Общину Раданды и первая вечерняя трапеза. Наставление И. отъезжающим и остающимся. Часовня Скорби. Отъезд в оазис Дартана Грегора, Василиона, Бронского и Игоро. Отъезд в Америку Андреевой и Ольденкотта.....	748
Глава XVII. Еще раз часовня и поселок плачущих. Речь И. плачущим. Мое прощальное посещение часовни Радости. Прощальный вечерний пир в Общине Раданды. Последняя речь И. на нем. Наш отъезд в Общину Али.....	776
Вместо эпилога. Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и ее разговор с лордом Бенедиктом о встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца	794